

Антидогматика: новое понимание уголовного процесса и права

Александров Александр Сергеевич,

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса,
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 26-20
E-mail: anrc@rambler.ru

Власова Светлана Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса,
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, пр. Коминтерна, 148-20
E-mail: vlasovavetla@yandex.ru

Аннотация. Современный государственно-правовой механизм противодействия преступности концептуально сложился на идеях классического понимания государства и права. При переходе в цифровую социально-экономическую формацию его концептуальные основы подлежат пересмотру. Данная методологическая проблема требует междисциплинарных усилий со стороны специалистов всех отраслей права. Между тем, поскольку «процессуальность» признается доминирующим признаком нового правового регулирования и новой правовой организации противодействия преступности, постольку процессуалистика приобретает методологическое значение.

Процессуальное учение об иске как универсальном правовом средстве правовой самозащиты должно быть положено в основу новой модели разрешения уголовно-правовых споров, которая может быть представлена на цифровой платформе государства. Цифровая трансформация государства и права позволяет на новом витке развития цивилизации возродить формы и средства непосредственной демократии, которые были уже апробированы в истории. Основываясь на неклассических представлениях о государстве и праве, авторы предлагают восстановить обвинительный процесс, народное обвинение, свободное доказывание, «обычное право» (в виде «wiki-права») с применением цифровых информационно-коммуникационных технологий. Предлагается совершить переход от традиционного следственного типа применения норм уголовного права к новому типу правовой организации разрешения уголовно-правовых споров, основанному на самозащите субъектами своих интересов, взаимодействию полиции, прокуратуры, населения и бизнеса. В статье делается попытка переосмыслить некоторые фундаментальные положения общей теории права, уголовного права и процесса в контексте концептов «процессуального детерминизма», «антропоцентричности», «экосистемы», «государства-как-платформы». Авторы считают, что догматика и культивируемый ею догматический стиль мышления правоведов не способны дать новое знание о том, как должен быть устроен и работать в цифровую эпоху правовой механизм защиты от преступлений.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное право, противодействие преступности, цифровые технологии, уголовный иск, доказывание, государство.

Россия, как и другие страны, стоит на пороге четвертой промышленной революции, которая уже начала менять социально-экономический базис, психотип общества и человека. Прежние государственно-правовые формы и средства взаимодействия государства, бизнеса, населения переживают кризис¹. Назрели глубокие преобразования

в государственно-правовом регулировании общественных отношений во всех сферах. Однако догматизм препятствует отечественному правоведению не только выработать

для принятия оперативных решений, бюрократизация, цифровизация устаревших процессов. На общие проблемы снижения эффективности бюрократии накладывается снижение общественного контроля за деятельностью чиновничьего аппарата. См.: Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. М., 2018. С. 16, 17; <https://www.csr.ru/news/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstva-grazhdanin-i-gosudarstvo-v-novoj-tsifrovoj-realnosti/>.

¹ В государственном управлении сохраняется архаичная документоцентричная многозвенная вертикаль принятия решений, отрыв системы показателей от реальности, получение достоверных данных с достаточной скоростью

стратегию правового строительства, но и увидеть назревшие в правовой реальности проблемы². Опыт постсоветского правового строительства убеждает в том, что классическая теория государства и права (далее — ТГП), претендующая играть методологическую роль, превратилась в схоластику. Вместо того, чтобы попытаться заменить сгнившие концептуальные опоры правовой доктрины, созданные еще в советскую эпоху, новыми, она укрепляет их. Концептуальный аппарат теории права обеспечивает воспроизводство догматического стиля правового мышления, юридическая практика полностью полагается на него³. Чтобы прервать эту порочную закономерность нам по необходимости пришлось взяться за решение общих, так называемых методологических вопросов: их больше некому решать⁴.

В догматизме ТГП, которая поддерживает в теории уголовного права и процесса ложные представления о том, как должно осуществляться противодействие преступности, мы видим тормоз, который, разумеется, не единственный⁵, для насущных преобразований в уголовном праве и уголовном процессе. Поэтому без **антидогматики** невозможно разрешение назревших актуальных вопросов, которые переполнили отраслевые юридические науки.

Целью настоящей статьи авторы видят освобождение коллег от предрассудков,

² В неготовности общества, профессионального, экспертного сообщества к переменам состоит причина незавершенности судебных реформ, проводимых властями «сверху». А нужно движение снизу вверх, чтобы право органично вызревало внутри сознательной части народа, было внутри нас — тех, кто озабочен тем, чтобы «жить в праве».

³ См.: Павлов В.И. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. Минск, 2017. С. 7, 10-11.

⁴ Мы долго ждали от ТГП конструктивных предложений, но их так и не последовало. Ее представители цепляются за догматы, созданные в середине прошлого века, и тем самым детерминируют мышление отраслевиков через концепты: механизм правового (уголовно-процессуального, уголовно-правового) регулирования, правовое отношение (уголовно-правовое, уголовно-процессуальное отношение), юридическая ответственность (уголовная ответственность) и пр. Поэтому мы сами, в кооперации с коллегами по постнеклассической философии права, стали постепенно обновлять основы правопонимания в сфере противодействия преступности. См.: Александров А.С., Александрова И.А., Терехин В.В. Шесть критических эссе о праве и правосудии // Постклассическая онтология права: монография / Под общ. ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016. С. 561-684.

⁵ Задаваясь вопросом о причинах неудач судебных реформ и деградации уголовно-процессуальной системы, надо признать, что главная из них — политическая. Мы ее обсуждать не будем, чтобы оставаться в рамках специальности 12.00.09.

стереотипов и даже архетипов правовой культуры через критику догматического учения ТГП о праве и государстве и предложение своего видения тех правовых основ, на которых должно строиться правовое противодействие преступности.

Для специалистов очевидно, что современная государственно-правовая система противодействия преступности неэффективна. Это проявляется в первую очередь в «примитивизации» предварительного расследования⁶. Правоохранители демонстрируют недостаточную эффективность в выявлении и раскрытии наиболее опасных преступлений в сфере экономики, верхушечной коррупции, а в последние годы — киберпреступлений⁷. Президент России РФ В.В. Путин практически на каждой коллегии МВД обращает внимание на эту ситуацию. В 2019 г. он снова просил «серьезно подумать» о том, какие реальные шаги следует предпринять для кардинального улучшения ситуации с выявлением и расследованием сложных, скрытых видов преступлений⁸.

Однако ожидать серьезных улучшений только организационно-штатными мероприятиями (увеличение числа следователей) или техническими нововведениями, на наш взгляд, не приходится. Полагаем, ресурс существующей следственной системы исчерпан по причине ее архаичности и неадекватности современным условиям. Отечественная уголовно-процессуальная система за последние два столетия мало изменилась: в центре ее по-прежнему находится следственная власть, и именно она формирует доказательства, принимает решения о привлечении к уголовной ответственности, а также об иных исходах уголовного дела. Отсюда «следственный

⁶ Оно превратилось в конвейер по производству уголовных дел об очевидных преступлениях, «судебная перспектива» которых просматривается с момента возбуждения и отторгает в виде постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел информацию о преступлениях, обвинительный исход расследования которых сомнителен.

⁷ Руководство МВД России констатирует, что при почти двукратном росте регистрации таких преступлений раскрывается только каждое четвертое из них (см.: Выступление министра внутренних дел РФ В.В. Колокольцева на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД РФ. 28.02.2019 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913>; Число преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, увеличилось с 11 тыс. в 2013 г. (см.: URL: <http://www.interfax.ru/russia/576166>) до 174 674 в 2018 г. (см.: Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России. Декабрь 2018 г. Генеральная прокуратура РФ).

⁸ Путин В. Послание к Федеральному Собранию РФ. 20.02.2019 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863/work>.

изоморфизм»⁹ и неразрывно связанный с ним «обвинительный уклон» уголовной юстиции¹⁰.

Поэтому-то правоохранительная система не столько защищает бизнес и население от преступности, сколько сама превратилась в «структурный ограничитель экономического роста», угрозу правам человека. К данной проблеме на протяжении последних двадцати лет постоянно возвращаются представители бизнес сообщества и руководители нашего государства, но ничего не меняется. В 2019 г. Президент России В. В. Путин в очередной раз заострил на ней внимание и подчеркнул: «Ситуация, к сожалению, не сильно изменилась»¹¹.

Поскольку ранее принятые законодательной и иными властями государства меры по защите бизнеса от незаконного уголовного преследования успеха не принесли, постольку надо ставить вопрос о принципиально ином подходе к ее решению. Только технократический подход к *оптимизации существующей государственно-правовой модели противодействия преступности*, равно как и политика по созданию отдельного, привилегированного организационно-правового механизма для субъектов предпринимательской деятельности (которая проводилась до последнего времени), вряд ли позволят кардинально изменить к лучшему проблемную ситуацию. Создание нормальной государственно-правовой системы противодействия преступности не сводится к защите только интересов предпринимателей, а заключается в обеспечении эффективной защиты правовыми средствами

всего населения¹² от преступлений, особенно, от растущей киберпреступности.

Фундаментальная задача современной юридической наукой состоит в создании теоретической концепции новой государственно-правовой организации противодействия (кибер)преступности и защиты от нее населения и бизнеса, основанной на цифровых информационно-коммуникационных технологиях. А для этого надо довести до конца судебную реформу и тем самым завершить в XXI в. переход от следственного к состязательному типу судопроизводства.

Между тем, научное сообщество не готово пока к такому свершению. Подтверждением этому стала история с продвижением нашего проекта в виде «Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации»¹³ на различных экспертных, научных и общественных публичных площадках¹⁴. Указанная доктринальная модель стала лакмусовой бумажкой для тестирования экспертного научного и профессионального сообщества: она выявила неприятие реальных перемен в правовой организации доказывания и обвинения не только со стороны консерваторов, но и тех, кого принято считать либералами. Это отторжение всего нового на интуитивном, психическом уровне было весьма показательным: мы говорим на разных языках.

Данный опыт еще более убедил нас в том, что разговоры о гарантиях прав личности, независимом суде, справедливости и пр. остаются благими пожеланиями и не выводят за пределы существующей уголовно-процессуальной системы, которая априори не создана для этого. Вся научная «новизна» в подобных исследованиях

⁹ «Институциональным изоморфизмом» (сходство в способах организации работы, оценках деятельности и т.д.) называют склонность бюрократических организаций перенимать модели поведения друг друга. В нашем процессе следственные стандарты (доказывания, обвинения) приняты всеми его профессиональными участниками. См.: Титаев К., Шклярчук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016. С. 48, 64-65.

¹⁰ По мнению предпринимателей и их защитников уголовно-процессуальная система в ее современном виде является одним из структурных ограничителей экономического роста. См. об этом, например: Реформа уголовного экономического законодательства. Февраль 2017 г. Приложение к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста», приложение № 14 (Программа разработана в рамках поручения Президента РФ от 14.07.2016 № Пр-1347) // URL: <http://институтроста.рф/upload/iblock/a4d/14.-reforma-ugolovno-ekonomicheskogo-zakonodatelstva.pdf>; Хартия защиты бизнеса, составленная по итогам уголовного форума в г. Ростов-на-Дону 13.02.2017 // URL: https://www.facebook.com/Хартия-Защиты-Бизнеса-2078206409077582/?modal=admin_todo_tour&pnref=story.

¹¹ Путин В. Послание к Федеральному Собранию РФ. 20.02.2019.

¹² «Мы должны руководствоваться не корпоративными интересами, не интересами отдельных уважаемых людей и компаний, а интересами народа России». См.: Путин В. Послание к Федеральному Собранию РФ. 20.02.2019.

¹³ См.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / Под ред. А.С. Александрова. М., 2015; URL: <https://openpolice.ru/pages/reform/diskussiya-o-reforme-ugolovnogo-processa/doktrinalnaya-model/>.

¹⁴ См.: В Комитете гражданских инициатив Кудрина представили проект реформы УПК // URL: <https://pravo.ru/review/view/121612/>; в рамках подготовки к ОГФ специалисты обсудили в КГИ вопросы реформирования уголовного процесса в России // URL: <https://civil-forum.ru/forums/2015/news/v-ramkakh-podgotovki-k-ogf-spetsialisty-obsudili-v-kgi-voprosy-reformirovaniya-ugolovnogo-protssessa.html>; Стенограмма парламентских слушаний на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия» 20.12.2016 // URL: <http://council.gov.ru/media/files/1HEoJTBnnXWxACFrHJYQzoe1BG8W52jN.pdf>.

сводится к «совершенствованию» существующей правовой модели. Так, например, в основе последних крупных разработок в теории уголовного процесса¹⁵ лежит понятийный аппарат советского правоведения, продолжение следственной идеологии. При этом все признаки «советской экзегезы» в них налицо: уход от постановки действительно острых проблем, описательность в «бесконфликтном» духе.

Считаем, что объективные предпосылки для смены традиционной государственно-правовой системы противодействия преступности назрели, но мешает движению вперед субъективный фактор: привычка думать и действовать по старине, которая доминирует и среди теоретиков, и среди ученых-отраслевиков. «Методологическая функция» ТПП в том и состоит, чтобы поддерживать догматический (нормативистский) тип правопонимания в отраслевых юридических науках, тем самым, консервировать следственный уголовно-процессуальный строй, советскую модель противодействия преступности¹⁶.

Прежде чем обратиться к юридическому позитивизму — ядру догматического типа правопонимания, надо сказать и о методологическом значении других подходов: юснатурализме (философия естественного права), либертарно-юридической теории и «фундаментализме»¹⁷.

Юснатурализм не ограничен позитивным правом и в принципе позволяет перейти на другую парадигму. Большинство сторонников состязательности, «либералы» в качестве апологетики использовали именно юснатурализм. Однако, как показал опыт постсоветского строительства, у представителей юснатурализма нет конкретного проекта преобразований уголовного процесса, и их благие намерения

вымостили дорогу в современный ад смешанного типа уголовного процесса. Юснатуралист оказался наивен в том, что касается способов достижения высоких целей. Его легко обмануть, скажем, тем, что прокурорский надзор должен быть отделен от следствия во благо защиты прав человека. Ориентацию на права личности мы разделяем без колебаний, но пойдем другим путем к обеспечению прав и свобод человека, а именно: предложенным постнеклассической философией права. Мы будем развивать «антропологическое», либертарно-юридическое направление в теоретизировании, опираясь на «постнеклассику»: закон имеет только тот смысл, который мы понимаем; все пользователи цифровой платформы государства могут участвовать в создании правовых средств для удовлетворения своих потребностей в государственно-правовой защите.

Наш противник — это фундаментализм¹⁸, по специальности 12.00.09 он выражен в учении о следственной власти. В нашей трактовке «фундаментализм» есть доведенное до крайности отрицание идеи свободы, состязательности, правового государства, либерализма, как не отвечающих национальному менталитету, отечественным правовым и духовно-православным традициям¹⁹. Фундаментализм выступает за их ограничение или даже полное устранение из государственно-правовой практики. Думаем, это псевдонаучное направление является продолжением «советской экзегезы», более близкой к вере, а не к научному знанию о праве²⁰. В содержательном плане он лишен рациональности,

¹⁵ Мы имеем в виду диссертации по специальности 12.00.09. на соискание ученой степени доктора юридических наук, защищенные в 2018 г. См.: Адаменко И.Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты: Дисс. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2018; Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: Дисс. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017; Козубенко Ю.В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования: Дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018; Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: Дисс. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2018.

¹⁶ Разумеется, юридическая догматика и нормативное учение о праве на определенном этапе развития нашего правоведения (позднесоветском) оказала положительное влияние на развитие правовой мысли. Но в современных условиях она недостаточна для выработки концепции нового правового регулирования.

¹⁷ С нашей точки зрения, «интегративный» подход к правопониманию самостоятельной роли не играет.

¹⁸ В последнее время наиболее ярким его выразителем стал, с нашей точки зрения, В. Сурков. См.: Сурков В. Одиночество полукровки // Россия в глобальной политике. 2018. № 2; <https://globalaffairs.ru/number/-19490>; он же. Долгое государство Путина. О том, что здесь вообще происходит // Независимая газета. 2019. 11 февр. http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html.

¹⁹ Но ради удобства правительства (политической конъюнктуры), что иногда прямо признается его представителями. См., например: Давлетов А.А. О значении одного термина в судьбе современного уголовного процесса России // Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности: монография / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. В.М. Егорова. М., 2016. С. 297-300.

²⁰ Аргументация этого учения строится на ссылках на некие системообразующие основания и компоненты, обусловленные культурно-историческим наследием и духовно-нравственными основами российской общности, особенностями менталитета и мировоззрения российской общности духа (духовности), религиозности и национального характера российского народа. См.: Адаменко И.Е. Указ. соч. С. 11.

юридической логики²¹. В прагматическом отношении он не способен предложить что-либо конкретное для разрешения конфликтов, хотя, разумеется, он обслуживает интересы реакционных политических кругов.

Таков расклад сил на методологическом поле. Теперь обратимся в юрпозитивизму, проявлением которого и является догматика. Сосредоточимся на *деконструкции* центрального положения «приказного правопонимания», согласно которому государство посредством «нормативно-правовых средств» (закона) осуществляет *регулирующее воздействие* на общественные отношения. Мы считаем устаревшими этактистские представления о государстве, посредством юридических средств осуществляющего *правовое регулирующее* воздействие на общественные отношения²² («принудительном регуляторе»); государстве, как субъекте «центрального уголовно-правового отношения», субъекте «права на наказание» и пр., чьи органы (правоохранительные) противодействуют преступности, устанавливают «объективную истину», обеспечивают «неотвратимость уголовной ответственности» и т.д. и т.п. В современном правоведении критикуемый нами этактизм состоит в абсолютизации значения государства во всех «правовых средствах», входящих в механизм правового регулирования, общетеоретического и отраслевого: государство презюмируется как единое, неделимое целое: все чиновники государственного аппарата, включая судей, обязаны выполнять общую правоохранительную функцию. Государственные органы (суды, органы предварительного следствия и пр.) обладают исключительной компетенцией на знание правильного смысла закона, подлежащего применению в конкретном деле. Мы выступаем против этактистской трактовки «механизма уголовно-процессуального регулирования»: как процесса реализации официальными правоприменителями государственной воли²³.

При этактистском подходе невозможно говорить о равенстве государства и человека в правовых отношениях. А мы хотим, как писал А.И. Елистратов, «поставить обывателя на одну

плоскость с правящею властью». Мы разделяем точку зрения этого дореволюционного теоретика о том, что публично-правовые отношения устанавливаются между людьми и только между людьми. Индивиды, превратившиеся из органов безличной машины государства в живых служителей общественного интереса, стоящих лицом к лицу с гражданами, может быть скорее и легче освободятся от исторически вьезшихся привычек бюрократа в его отношении к обывателю²⁴. Мы разделяем позицию сторонников учения о правовой самозащите посредством искового (публичного субъективного) права, которой придерживались классики русской правовой мысли — А.И. Елистратов, Е.М. Кулишер, Н.Н. Полянский, П.И. Люблинский и др.²⁵ Мы считаем искомое право (право на иск, гражданский или уголовный) универсальным средством взаимодействия между государством — в лице его представителей от обвинительной и судебной властей — и народом. Служебной роли государства способствует концепция его платформенной организации на цифровых технологиях: в виде набора сервисов — услуг, оказываемых населению и бизнесу. Такую концепцию организации правовой защиты от преступлений можно развить с использованием понятий «государство-как-платформа» и «экосистема». Создатели концепта «государство-как-платформа» (далее — ГкП) определяют его как качественно новую систему организации и исполнения функций органов государственной власти, построенную на базе интегрированных и цифровизированных процессов и перспективных технологий²⁶. Концепт ГкП означает, что «государство» как координатор возьмет на себя управление взаимодействием всех пользователей информационной платформы и будет выступать создателем экосреды взаимодействия пользователей («экосистемы»)²⁷. ГкП поможет исполнять большинство функций государства на основе

²¹ В пользу позитивизма надо сказать, что его логика требует четкого понимания разницы между реальными правовыми инструментами разрешения спора (уголовно-правового) и псевдо-правовыми (типа ссылки на «дух народа»). См.: Головкин Л.В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. статей. М., 2016. С. 101, 102.

²² См.: Википедия: правовое регулирование // <https://ru.wikipedia.org>.

²³ См., например: Муравьев К.В. Указ. соч. С. 14.

²⁴ Елистратов А.И. Понятие о публичном субъективном праве. Т. II. «Теория субъективных публичных прав» А.А. Рождественского. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913. С. 3, 17.

²⁵ См.: Кулишер Е.М. Защита субъективных публичных прав посредством иска // Юридический вестник. 1913. Кн. 4. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1913. С. 25; Полянский Н.Н. К вопросу об участии частных лиц в публичном обвинении: (Принципиальные основания *actio popularis* в уголовном процессе). М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1915. См., например: Люблинский П.И. Процесс как судебный порядок и процесс как правоотношение // Журнал Министерства юстиции. 1917. Петроград: Сенатская типография, 1917.

²⁶ См.: Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Указ. соч. С. 9, 10.

²⁷ См. там же. С. 9.

платформенных решений²⁸, включая, по нашему мнению, и функции обвинения, правосудия.

Таким образом, предполагается пересмотр роли государства в правовой организации противодействия преступности: «государство» как координатор возьмет на себя управление взаимодействием всех пользователей информационной платформы и будет выступать создателем цифровой экосреды взаимодействия пользователей уголовно-процессуальной «экосистемы» в целях самозащиты населения и бизнеса от преступлений. На платформе цифрового государства судебная власть будет доступна любому лицу, пользователю информационной системы, который может привести ее в действие не через посредника в лице полиции и прокурора, а сам непосредственно через «иск», подача которого будет автоматизирована.

Мы выступаем за децентрализацию и деформализацию институтов обвинения. В сервисе обвинения как устройства по запуску организационно-правового механизма применения уголовного закона должна быть смешанная модель обвинения: официально-общественная и частная. В будущем, по нашему мнению, каждый может привести в действие механизм правосудия, выйдя с помощью приложения на информационную систему «государство-как-платформа».

Взаимодействие участников деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений может происходить не только под надзором и руководством прокуратуры, но и под общественным, народным контролем через технологию блок-чейн. Юридическим средством такого контроля мог бы быть институт *субсидиарного (солидарного) народного обвинения*. Граждане, предприниматели становятся пользователями механизма «государство-как-платформа» и его ресурсов для самозащиты своих законных прав и интересов. Офицеры полиции, осуществляющие функцию уголовного преследования, офицеры ФСИН, прокуроры и прочие субъекты «обвинительно-карательной» власти; судьи, бизнесмены, люди — пользователи устройства уголовного судопроизводства, встроенной в ГкП, и сами составляют экосистему взаимодействия по горизонтали, подвергаясь управляющему воздействию со стороны технологии распределенных реестров.

Платформенная трактовка государства позволяет считать пользователей услугами ГкП субъектами взаимодействия (внутри цифровой экосистемы) по формированию правового средства урегулирования конфликта —

«стейкхолдерами»²⁹, это так называемое «wiki-правовое регулирование».

С учетом сказанного обратимся теперь ко второму фундаментальному понятию правоведения — «право» (объективное). В своих рассуждениях о праве мы сконцентрируемся на *функциональной роли права как инструмента разрешения конфликтов*³⁰. Мы разделяем установку позитивизма на то, что право является единственным институциональным способом (методом) разрешения конфликтов (социальных и производных от них)³¹. Подобный прагматизм в духе инструментализма нам импонирует. Правовое — это то, что полезно участникам спора для его разрешения. Право нужно для того, чтобы регулировать, разрешать конфликты. Расхождение с юридическим позитивизмом у нас по вопросу *правогенеза*: как получается «средство правового воздействия»? С ним связан второй вопрос: почему надо менять следственное уголовно-процессуальное право?

Проблема нахождения права в законе — ключевая проблема правопонимания. Позитивист исходит из того, что право содержится в законе, созданном государством, правоприменителю остается только правильно истолковать волю законодателя и применить правовую норму. Постнеклассическое правопонимание по новому объясняет бытийственный, функциональный аспект права, а именно: 1) антропологическая связанность (человекомерность); 2) приобретаемая нормативность — динамизм (становление), 3) процессуальность; 4) конкретность, ситуативность³². Мы считаем необходимым распространить эти свойства на правовую организацию противодействия преступности в «цифровом государстве».

В первую очередь мы постулируем процессуальность государственно-правового противодействия преступности. Постулат о процессуальности права³³ выражается в следующих моментах: 1) процесс есть способ существования реального уголовного права — как средства

²⁹ Стейкхолдеры (или заинтересованные лица) — это группы людей или отдельные люди, которых проект как-то затрагивает (как в хорошем, так и в плохом смысле) либо (и это важно, про это почему-то часто забывают!) те, кого проект не затрагивает, но они сами могут его «затронуть» или как-то на него повлиять // <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

³⁰ См.: Головки Л.В. Указ. соч. С. 93-95.

³¹ См.: Головки Л.В. Указ. соч. С. 93, 94, 102.

³² Павлов В.И. Указ. соч. С. 89.

³³ Через «процессуализацию» права («право-процесс») мы, как и другие представители неклассической философии права, видим возможность перехода на новый тип правового регулирования в сфере противодействия преступности. См.: Павлов В.И. Указ. соч. С. 174.

²⁸ См.: там же. С. 8.

уголовно-правового регулирования — разрешения уголовного дела³⁴; 2) все уголовное правовое в УК РФ должно быть опроцессуализировано; 3) основание уголовно-правового отношения *формируется в уголовном процессе*³⁵; 4) уголовно-правовое отношение возникает на основании уголовно-процессуального отношения между обвинителем, судом и обвиняемым.

Вторым базовым свойством новой уголовно-процессуальной системы выступает *новая человекомерность* всего «государственно-правового»: человек не просто пассивный объект правовой заботы государства, а партнер государства, соучастник правового процесса, сотворец права. Это означает введение принципа дополнительности к юрпозитивизму: правовое это то, что мы понимаем в законе и используем для своих нужд в качестве «подручного средства» достижения цели разрешения спора. Поясним эту идею концепциями, развиваемыми представителями «неклассики».

В нижегородской правовой школе мы пришли к выводу, что право — это «закон плюс нечто еще»: «Право=Закон+» или «Право=Текст закона × интерпретацию» (кратко: «Право=Текст»). Через концепт «Право=Текст»³⁶ осуществляется «побег» из «тюрьмы» догматики и выход на новый тип правопонимания — право не как реализация метафизического идеального права (воли законодателя, идеи права, а на практике — приказа начальника), а как сотрудничество, сотворчество всех причастных к правопониманию (правоприменению), а конкретно — выработка нормативно-правовой основы решения по урегулированию уголовно-правового спора.

³⁴ Важно не только и не столько то, что изначально зафиксировано в уголовном законе, сколько то, как он понимается и реализуется в процессе. Отсюда формула: «Уголовный кодекс + Уголовный процесс = Уголовное право». См.: Александров А.С., Александрова И.А. Уголовный кодекс + Уголовный процесс = Уголовное право // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и уголовного процесса: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, Институт права БашГУ, 31.10.2016). Уфа, 2016. С. 4-18.

³⁵ «Состав преступления» есть производное от суммы доказательств, исследованных и подтвердившихся в судебном заседании, которые устанавливают элементы состава преступления, предусмотренного статьей особенной части УК РФ, в деянии подсудимого.

³⁶ Право (уголовно-процессуальное право) — это смысл текста закона, полученный (актуализированный) судом в результате интерпретационной, перзуазивной, игровой деятельности сторон с применением рациональной аргументации, юридической техники, риторики, психологии, т.е. средств речевого убеждения. См.: Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: Дисс. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 69-105; он же. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003. С. 156.

Рассуждая в том же духе, В.И. Павлов пишет: «Право не есть текст (в традиционном понимании), но без текста существование права невозможно»³⁷. Правовой смысл нормы права как юридического знака всегда есть способ понимания и схема развертывания правового концепта, в который концентрированно включены идея, ценность конкретной нормы права; правовой смысл всегда требует от лица, сталкивающегося с нормой, интерпретационной работы³⁸.

Итак, концепция «Право=Текст» предполагает непрерывную работу правоприменителей, стейкхолдеров по определению нормативности. Правопонимание и правоприменение не только распаковка из текста смысла «волеизъявления», «нормотворца», но и развитие, сотворение смысла в тексте права. К которому причастны все те, кто заинтересован в разрешении правового конфликта. «Правовая действительность — это право в действии, данное человеку в практическом выражении, т.е. правовая действительность складывается из актуализированных элементов правовой реальности, выраженных практически»³⁹. Состязательная форма является оптимальной для подобного процесса правообразования. Цифровые технологии еще более делают доступным такой способ правового урегулирования.

Созвучна этому концепция *wiki-права*, которая состоит в создании такой системы правового регулирования, когда все участники процессов в онлайн режиме генерируют новые правила на базе открытой платформы и акцептуют их для разрешения ситуации (уголовного дела). Владельцем платформы остается государство, но «средства правового регулирования» (разрешения правового спора), которые станут затем техническим требованием и API, вырабатываются совместно «стейкхолдерами» — участниками процесса (уголовного) — с использованием искусственного интеллекта и автоматизированных систем⁴⁰.

Через новое понимание государства и права можно выйти за рамки догматического представления о том, как осуществляется государственно-правовое противодействие преступности. Мы считаем не только возможным, но и полезным отказаться от следующих догматов:

1) государство осуществляет противодействие преступности посредством применения уголовного закона в уголовно-процессуальной форме;

³⁷ Павлов В.И. Указ. соч. С. 160.

³⁸ Павлов В.И. Указ. соч. С. 160.

³⁹ Павлов В.И. Указ. соч. С. 78.

⁴⁰ Шклярук М. Государство как платформа. 2017-2035. Установка на форсайт-сессию. 16.02.2017 // <https://docplayer.ru/45759263-Gosudarstvo-kak-platforma.html>.

2) первичность уголовно-правового отношения по отношению к уголовно-процессуальному: «центральное» уголовно-правовое отношение возникает между государством и преступником в результате совершения преступления;

3) уголовный процесс, уголовно-процессуальные отношения развиваются на базе уголовно-правового отношения;

4) уголовно-процессуальная деятельность обслуживает реализацию уголовно-правового отношения;

5) право на наказание (привлечение к уголовной ответственности) возникает у государства с момента совершения преступления, и потому уголовный процесс служит реализации этого права;

6) основание уголовно-правового отношения (уголовной ответственности, наказания) существует объективно и неизменно, его надо доказать через установление объективной истины;

7) фактическое основание уголовной ответственности (уголовно-правового отношения) создает преступление;

8) концепции «материальной» «объективной истины», чье доказывание относится к компетенции и входит в обязанность следователя, судьи, прокурора — правоприменителя, осуществляющего реализацию уголовно-правовых норм.

Эти классические положения классики мы предлагаем заменить иными, на которых и предлагаем реорганизацию правового противодействия преступности в цифровом обществе и государстве:

1) уголовно-правовое противодействие преступности — это процесс (уголовный) превращения содержания статей Уголовного кодекса в правовое средство разрешения конкретного уголовно-правового конфликта. Данный процесс включает в себя (1) определение предмета уголовно-правового спора, (2) создание правовых и фактических средств его разрешения, (3) выработку решения по спору;

2) в основу уголовно-правового противодействия преступности должен быть положен принцип правовой самозащиты (основанный на искомом праве), т.е. свободы выбора лицом для защиты своего интереса: во-первых, (а) уголовного или (б) гражданского иска; во-вторых, способа подготовки иска: (а) самостоятельно или (б) через обращение к обвинительной власти; в-третьих, равного доступа к ним населения, бизнеса;

3) организация уголовно-правовой защиты от преступности (разрешения правовых споров) состоит из отдельных процедур, которые реализуются через систему сервисов (услуг) обвинительной и судебной властей, выведенных на информационную платформу государства

и доступных для пользователей этой платформы: частных и официальных лиц. Оказание государственной услуги по применению уголовного закона к преступнику для защиты от него населения и бизнеса осуществляется на обратной связи между управляющей и управляемой подсистемами, основанной на технологии блокчейна (распределенных реестров);

4) основание уголовно-правового отношения формируется в уголовном процессе; уголовно-правовое отношение возникает на основе уголовно-процессуального: после вступления обвинительного приговора суда в силу;

5) привлечение к уголовной ответственности (освобождения от нее) должно осуществляться в судебном порядке и быть открытым (через коммуникативные технологии) для населения и бизнеса;

6) основания уголовной ответственности формируются в суде на доказательствах обвинения. При этом основание уголовной ответственности может *меняться* (в сторону смягчения) в результате соглашения сторон, достигаемого в рамках согласительной процедуры, реализуемой представителями кросс-команд с обеих сторон после заявления уголовного иска;

7) формирование принципиально нового понимания значения саморегуляции и самозащиты в уголовно-правовой сфере; перестановка публичного и частного начал в правовой организации ключевых уголовно-процессуальных институтов: обвинения и доказывания (из сугубо публично-правовой (следственной) они перемещаются в частно-правовую область);

8) переход на исковую модель обвинения и судебную процедуру предъявления обвинения. Это, в свою очередь, выводит «досудебное расследование» за рамки *уголовного судопроизводства*: все, что осуществляется сторонами до предъявления уголовного иска (обвинения) не является уголовным процессом;

9) развивая учение об «обвинительной власти» в контексте цифровых технологий, мы предлагаем: во-первых, «реновацию» классической обвинительной модели «*actio popularis*» (общественного обвинения, коллективного уголовного иска) на новой технологической платформе (распределенных реестров). Цифровая трансформация должна содействовать переустройству отношений внутри обвинительной уголовно-процессуальной подсистемы и создание принципиально новой информационной платформы взаимодействия между субъектами обвинения: официальными и неофициальными. Открытость «государства-как-платформы» сформирует не просто новый тип потребителя государственных услуг, но образует гражданское общество и граждани-на и новый (хорошо забытый старый) способ

самоорганизации для защиты публичных прав: народное обвинение;

ю) новая теория уголовно-процессуальных доказательств, адаптированная к цифровой трансформации, должна включать в себя пересмотр: (а) стандарта допустимости доказательственной информации — отказ от следственного стандарта, основанного на протоколе следственного действия, и замена его техническим критерием верификации информации; (б) понятия «субъект доказывания»: переход к модели «свободного доказывания», когда его субъектом может выступать любой пользователь цифровой платформы государства и процесса; (в) понятия «уголовно-процессуальное доказательство»: любая цифровая информация, полученная незапрещенным законом способом, и пр.

Ввиду гонки технических вооружений между преступниками и обвинительной властью государства предлагается создать новый специализированный полицейский орган по борьбе с киберпреступностью и тяжкими преступлениями против собственности в сфере экономической деятельности (зарубежный аналог — «Национальное агентство по борьбе с преступностью Великобритании», NCA);

п) определение пределов использования искусственного интеллекта при принятии уголовно-процессуальных решений и в доказывании фактов по уголовному делу (выявление наиболее перспективных направлений замены человека «интеллектуальным агентом» (оперативное реагирование на сигнал о преступлении); использование «больших данных», систем учетов, осуществления машинного взаимодействия при установлении признаков состава преступления; подготовка проектов обвинений, судебных решений и пр).

Список литературы

1. Адаменко И.Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты: Дисс. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2018. 421 с.
2. Александров А.С., Александрова И.А., Терехин В.В. Шесть критических эссе о праве и правосудии // Постклассическая онтология права: монография / Под общ. ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016. С. 561-684.
3. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003. 420 с.
4. Александров А.С., Александрова И.А. Уголовный кодекс + Уголовный процесс = Уголовное право // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и уголовного процесса: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, Институт права БашГУ, 31.10.2016). Уфа, 2016. С. 4-18.
5. Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: Дисс. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 650 с.
6. Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: Дисс. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. 458 с.
7. Головкин Л.В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. статей. М., 2016. С. 93-126.
8. Давлетов А.А. О значении одного термина в судьбе современного уголовного процесса России // Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности: монография / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. В.М. Егорова. М., 2016. С. 291-305.
9. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / Под ред. А.С. Александрова. М., 2015. 210 с.
10. Елистратов А.И. Понятие о публичном субъективном праве. Т. II. «Теория субъективных публичных прав» А.А. Рождественского. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913. 62 с.
11. Кулишер Е.М. Защита субъективных публичных прав посредством иска // Юридический вестник. 1913. Кн. 4. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1913. 48 с.
12. Козубенко Ю.В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования: Дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 390 с.
13. Люблинский П.И. Процесс как судебный порядок и процесс как правоотношение // Журнал Министерства юстиции. 1917. Петроград: Сенатская типография, 1917. 38 с.
14. Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: Дисс. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2018. 430 с.
15. Стенограмма парламентских слушаний на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия» 20.12.2016 // URL:<http://council.gov.ru/media/files/INEoJTBnnXWxA CFrHJYQzoe1BG8W52jN.pdf>.
16. Павлов В.И. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. Минск, 2017. 262 с.
17. Полянский Н.Н. К вопросу об участии частных лиц в публичном обвинении: (Принципиальные основания actio popularis в уголов. процессе). М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1915. 27 с.
18. Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. М., 2018. С. 16, 17; <https://www.csr.ru/news/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstva-grazhdanin-i-gosudarstvo-v-novoj-tsifrovoj-realnosti/>.
19. Титаев К., Шклярчук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016. 192 с.
20. Шклярчук М. Государство как платформа. 2017-2035. Установка на форсайт-сессию. 16.02.2017 // <https://docplayer.ru/45759263-Gosudarstvo-kak-platforma.html>.

Anti-dogmatic: a New Understanding of the Criminal Process and Law

Aleksandrov Alexander,

Doctor of Law, Professor at the Department of Criminal Procedure,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Vlasova Svetlana,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. *The modern state legal mechanism for combating crime conceptually developed on the ideas of the classical understanding of the state and law. When transitioning to a digital socio-economic formation, its conceptual framework is subject to revision. This methodological problem requires interdisciplinary efforts on the part of specialists from all branches of law. Meanwhile, since “proceduralism” is recognized as the dominant feature of the new legal regulation and the new legal organization in the fight against crime, proceduralism acquires methodological significance. The procedural doctrine of the lawsuit, as a universal legal means of legal self-defense, should be the basis for a new model for resolving criminal law disputes, which can be presented on the digital platform of the state. The digital transformation of state and law makes it possible, at a new stage in the development of civilization, to revive the forms and means of direct democracy that have already been tested in history. Based on non-classical ideas about state and law, the authors propose to restore the accusatory process, popular accusation, free proof, “customary law” (in the form of “wiki-law”) using digital information and communication technologies. It is proposed to make the transition from the traditional investigative type of application of criminal law to a new type of legal organization of the resolution of criminal disputes, based on self-defense subjects of their interests, the interaction of the police, prosecutors, the public and business. The article attempts to rethink some fundamental provisions of the general theory of law, criminal law and process in the context of the concepts of “procedural determinism”, “anthropocentricity”, “ecosystem”, “state-as-platform”. The authors believe that dogmatic and the dogmatic style of thinking that they cultivate are not capable of giving new knowledge about how the legal mechanism for protection against crime should be arranged and work in the digital age.*

Key words: *criminal procedure, criminal law, counteraction to crime, digital technologies, criminal action, proof, state.*

References

1. Adamenko I.E. Ugolovno-protsessual'naiia deiatel'nost': sistemoobrazuiushchie osnovaniia i komponenty [Criminal procedure: system-forming bases and components]: Diss. ... d-ra iurid. nauk. Nizhny Novgorod, 2018. 421 s.
2. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A., Terekhin V.V. Shest' kriticheskikh esse o prave i pravosudii [Six critical essays on law and justice]. *Postklassicheskaia ontologiya prava: monografiia [Postclassical ontology of law: monograph]* / Pod obshch. red. I.L. Chestnova. Saint Petersburg, 2016. S. 561-684.
3. Aleksandrov A.S. Vvedenie v sudebnuu lingvistiku [Introduction to Forensic Linguistics]. Nizhny Novgorod, 2003. 420 s.
4. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Ugolovnyi kodeks + Ugolovnyi protsess = Ugolovnoe pravo [Criminal Code + Criminal Procedure = Criminal Law]. *Aktual'nye problemy vzaimosvazi ugovnogo prava i ugovnogo protsessa: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Ufa, Institut prava BashGU, 31.10.2016)* [Actual problems of the relationship of criminal law and criminal procedure: a collection of materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference with international participation (Ufa, Institute of Law, Bashkir State University, October 31, 2016)]. Ufa, 2016. S. 4-18.
5. Aleksandrov A.S. Iazyk ugovnogo sudoproizvodstva [Language of Criminal Justice]: Diss. ... d-ra iurid. nauk. Nizhny Novgorod, 2003. 650 s.
6. Vershinina S.I. Gosudarstvennoe prinuzhdenie v ugovnom sudoproizvodstve: normativno-pravovaia priroda i mekhanizm funktsionirovaniia [State coercion in criminal proceedings: the regulatory nature and mechanism of functioning]: Diss. ... d-ra iurid. nauk. Tolyatti, 2017. 458 s.
7. Golovko L.V. Postsovetskaiia teoriia prava: trudnosti pozitsionirovaniia v istoricheskom i sravnitel'no-pravovom kontekste [Post-Soviet Theory of Law: The Difficulties of Positioning in the Historical and Comparative Legal Context]. *Problemy postsovetskoi teorii i filosofii prava: sb. statei [Problems of Post-Soviet Theory and Legal Philosophy: Coll. Articles]*. Moscow, 2016. S. 93-126.
8. Davletov A.A. O znachenii odnogo termina v sud'be sovremennogo ugovnogo protsessa Rossii [On the meaning of one term in the fate of the modern criminal process in Russia]. *Problemy sovremennogo otechestvennogo ugovnogo protsessa, sudebnoi i prokurorskoii deiatel'nosti: monografiia [Problems of the modern domestic criminal procedure, judicial and prosecutorial activities: monograph]* / Pod obshch. red. dokt. iurid. nauk, prof. V.M. Egorova. Moscow, 2016. S. 291-305.

9. Doktrinal'naia model' ugovolno-protssual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiiskoi Federatsii i kommentarii k nei [The doctrinal model of criminal procedural law of evidence of the Russian Federation and comments to it] / Pod red. A.S. Aleksandrova. Moscow, 2015. 210 s.
10. Elistratov A.I. Poniatie o publicnom sub'ektivnom prave. T. II. «Teoriia sub'ektivnykh publicnykh prav» A.A. Rozhdestvenskogo [The concept of public subjective law. T. II. "Theory of subjective public rights" A.A. Christmas]. Moscow: Pechatnia A. Snegirevoi, 1913. 62 s.
11. Kulisher E.M. Zashchita sub'ektivnykh publicnykh prav posredstvom iska [Protection of subjective public rights through a claim]. *Iuridicheskii vestnik [Legal Bulletin]*. 1913. Kn. 4. Moscow: Tipografia G. Lissnera i D. Sovko, 1913. 48 s.
12. Kozubenko Iu.V. Ugolovno-protssual'nye aspekty mezhotraslevogo mekhanizma ugovolno-pravovogo regulirovaniia [Criminal procedural aspects of the interdisciplinary mechanism of criminal law regulation]: Diss. ... d-ra iurid. nauk. Ekaterinburg, 2018. 390 s.
13. Liublinskii P.I. Protssess kak sudebnyi poriadok i protssess kak pravootnoshenie [Process as a judicial order and process as a legal relationship]. *Zhurnal Ministerstva iustitsii [Journal of the Ministry of Justice]*. 1917. Petrograd: Senatskaia tipografia, 1917. 38 s.
14. Murav'ev K.V. Optimizatsiia ugovolnogo protssessa kak formy primeneniia ugovolnogo zakona [Optimization of the criminal process as a form of application of criminal law]: Diss. ... d-ra iurid. nauk. Omsk, 2018. 430 s.
15. Stenogramma parlamentskikh slushanii na temu «15 let so dnia priniatii Ugolovno-protssual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: strategiia sovershenstvovaniia ugovolnogo pravosudiiia» 20.12.2016 [Transcript of parliamentary hearings on the topic "15 years from the date of the adoption of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: a strategy for improving criminal justice" 20.12.2016] // URL:<http://council.gov.ru/media/files/IHEoJTBnnXWxACFrHJYQzoe1BG8W52jN.pdf>.
16. Pavlov V.I. Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnoe posobie [Problems of the theory of state and law: a textbook]. Minsk, 2017. 262 s.
17. Polianskii N.N. K voprosu ob uchastii chastnykh lits v publicnom obvinenii: (Printsipial'nye osnovaniia actio popularis v ugovol. protssesse) [On the issue of the participation of individuals in public accusation: (The fundamental basis of the actio popularis in the criminal procedure.)]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1915. 27 s.
18. Petrov M., Burov V., Shkliaruk M., Sharov A. Gosudarstvo kak platforma. (Kiber)gosudarstvo dlia tsifrovoi ekonomiki [State as a platform. (Cyber) state for the digital economy]. Moscow, 2018. S. 16, 17; <https://www.csr.ru/news/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstva-grazhdanin-i-gosudarstvo-v-novoj-tsifrovoj-realnosti/>.
19. Titaev K., Shkliaruk M. Rossiiskii sledovatel': prizvanie, professiia, povsednevnost' [Russian investigator: vocation, profession, everyday life]. Moscow, 2016. 192 s.
20. Shkliaruk M. Gosudarstvo kak platforma. 2017-2035. Ustanovka na forsait-sessiui. 16.02.2017 [State as a platform. 2017-2035. Installation on a foresight session. 02.16.2017] // <https://docplayer.ru/45759263-Gosudarstvo-kak-platforma.html>.